

СУРОЖСКАЯ СМУТА

Сто тридцать дней, проведенные мною в Сурожской епархии в качестве викария митрополита Антония (Блума), стали самым тяжелым испытанием и потрясением всей моей жизни. Конфликт, возникший в связи с моим назначением, начавшийся еще до моего приезда в епархию и не закончившийся даже с моим отъездом, был результатом интриги, организованной всего лишь несколькими людьми, но всколыхнувшей всю епархию и отозвавшейся по всему русскому Зарубежью. Об этом конфликте писали многие церковные издания, однако его фактическая сторона до сих пор известна в подробностях лишь его непосредственным участникам. Поскольку конфликт давно уже предан огласке теми людьми, которые его инициировали, и поскольку в прессе он был представлен крайне тенденциозно и односторонне, вне соответствия с реально происходившими событиями, считаю необходимым со своей стороны последовательно изложить эти события, а также привести различные сопутствующие документы.

Мое назначение

Моего назначения в Сурожскую епархию в качестве викарного архиерея в течение нескольких лет добивался митрополит Сурожский Антоний. Впервые Владыка Антоний предложил мне приехать в его епархию в 1995 году, когда я заканчивал докторат на богословском факультете Оксфордского университета. В тот момент я отказался, так как намеревался вернуться в Россию.

В 1999 году, когда я работал секретарем ОВЦС по межхристианским связям, Владыка Антоний вновь предложил мне приехать на служение в Сурожскую епархию. На этот раз я выразил согласие, при условии, что согласие будет получено от священноначалия Русской Православной Церкви. Владыка Антоний написал Святейшему Патриарху и митрополиту Кириллу, в чьем подчинении я тогда находился, с просьбой прислать меня в Англию. В письме Святейшему Патриарху митрополит Антоний указывал, во-первых, на приглашение занять преподавательскую должность, полученное мною от Кембриджского университета. Владыка Антоний считал, что от этого предложения нельзя отказываться:

Мне кажется, что мы упустили неповторимый и драгоценный случай показать Западу в одном из самых авторитетных университетов уровень русской учености (о. Иларион в совершенстве знает английский язык, кроме древних языков и сирийского), но к тому же его большой опыт в области межцерковных связей откроет для Русской Церкви широкое и еще неисследованное поле свидетельства.

Во-вторых, митрополит Антоний указывал на необходимость расширения пастырского окормления русскоязычных людей:

Наш Лондонский Собор (а также некоторые приходы) наводнены морем русских православных людей, требующих громадной пастырской работы, как в области их воцерковления, так и в сохранении «русскости» в вере, языке и преданности Родине... Прошу Вас, дорогой Владыко, благословите Вашу русскую, именно русскую паству, прислав нам именно о. Илариона, который к своим богословским трудам и к раскрытию русской учености перед знатоками патристики в Кембридже может прибавить и роль подлинно русского Пастыря и учителя, ибо и в этой области у него есть опыт проникновения в ум и сердце тех, кого он учит. Я понимаю, что чем больше его хвалю, тем больше, быть может, Вы, Владыко, захотите иметь его при себе, но

подумайте об отчаянной нужде прибывающих за границу русских людей, сирот поистине, и дайте и им верного наставника!

Письмо сходного содержания было послано митрополиту Кириллу. В планы митрополита Кирилла, однако, такое назначение не входило, о чем он и сообщил Владыке Антонию в марте 2000 года. 11 ноября 2000 года Владыка Антоний вновь направил митрополиту Кириллу письмо, в котором упомянул о предполагаемой отставке Владыки Анатолия и предложил направить меня в епархию в качестве викарного епископа:

Рано или поздно Владыка Анатолий попросится на покой, и нам будет необходим второй Викарий, чисто русский, а с моим уходом на покой или путем переселения в Вечные Обители, его роль, тщательно подготовленная, может охватить значительную долю пастырской работы среди все возрастающей русской паствы. Владыко! МОЛЮ Вас — передумайте свое решение и подарите не нам только, но ВСЕЙ Русской Церкви верного и опытного работника в сложной и все расширяющейся области Пастырской и меж-церковной работы. Настоятельно прошу Вас, Владыко! Примите мой совет.

В марте 2001 года Владыка Антоний направил на имя Святейшего Патриарха новое письмо, в котором, ссылаясь на свой преклонный возраст, просил освободить его от должности епархиального архиерея, назначив на его место епископа Василия. В этом письме Владыка Антоний вновь затронул вопрос о назначении меня викарным архиереем Сурожской епархии:

Я хочу просить Вас, Владыко, назначить в Англию Викарием Сурожским игумена Илариона. Нам необходим русский епископ в помощь архиепископу Анатолию и новому епархиальному архиерею. Число русских настолько увеличилось, что ни я, ни Владыка Анатолий не можем осилить пастырскую работу, требующую обучения и духовного образования вновь прибывающих россиян. Из прилагаемого письма Вы увидите, что Кембриджский университет готов его обеспечить содержанием на три года, с тем, чтобы он возглавил основанный нашей епархией Богословский институт... Прошу Вас, дорогой Владыко, не откладывать этих решений. Я до сих пор никогда не обращался к Вам с такой настойчивостью, но время теперь не терпит: я уйду на убыль, а горизонты открываются все шире и глубже.

Решения, однако, вновь и вновь откладывались — главным образом, из-за нежелания митрополита Кирилла отпускать меня из Москвы. Эти решения, может быть, никогда не были бы приняты, если бы митрополит Кирилл по настоятельной и многократной просьбе Владыки Антония не приехал в Лондон в ноябре 2001 года для встречи с Владыкой. В ходе этой встречи митрополит Кирилл согласился на доводы Владыки Антония о необходимости направления меня в Сурожскую епархию в качестве викарного архиерея. При этом Владыка Антоний обещал взять на себя разговор с Владыкой Анатолием относительно его ухода на покой. Такой разговор состоялся в тот же день.

Тогда же состоялся разговор Владыки Антония со мной. Он сказал, что речь идет о назначении меня по приезду в Великобританию настоятелем Лондонского собора (ввиду того, что именно в Лондоне находится основная русскоязычная паства), а также о том, чтобы я преподавал в Кембриджском православном богословском институте.

18 декабря 2001 года Владыка Антоний написал Патриарху:

...Обращаюсь теперь к Вам с дополнительной просьбой: о назначении отца Илариона викарием, кому будет поручено, как я Вам раньше писал, преподавание в Кембриджском университете и специальное окормление русской паствы, которая все растет... До сих пор русскими занимался усердно и успешно Владыка архиепископ Анатолий. Но, как Вы знаете из его собственного прошения, приближается время и ему уходить на покой. Я бы просил Вас «формально» удовлетворить его прошение, разрешив ему, однако, оставаться в Англии до времени, когда закончится постройка храма и окончательное оформление прихода в Манчестере. Новопоставленный епископ Иларион займется как в Лондоне, так и на всей территории епархии русскими, как в Великобритании, так и в Ирландии...

Именно это письмо Владыки Антония, а также собственноручное прошение Владыки Анатолия о почислении заштат стало основанием, на котором Священный Синод 27 декабря 2001 года освободил Владыку Анатолия от должности викария Сурожской епархии и назначил меня его преемником.

Все эти сведения, с цитатами из писем Владыки Антония (копии этих писем, которые не были конфиденциальными, хранятся в архиве Московского Патриархата), я привел для того, чтобы опровергнуть созданный впоследствии миф о том 1) что мое назначение в Сурожскую епархию было инициировано митрополитом Кириллом, 2) что Москва, без согласия Владыки Антония, инициировала отставку Владыки Анатолия, 3) что я приглашался в Сурожскую епархию как священник, а приехал как епископ.

14 января, в праздник Обрезания Господня и день памяти святителя Василия Великого, в Храме Христа Спасителя состоялась моя архиерейская хиротония. Ее возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Участвовали митрополиты Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Смоленский и Калининградский Кирилл, Волоколамский и Юрьевский Питирим, архиепископы Берлинский и Германский Феофан, Костромской и Галичский Александр, Истринский Арсений, епископы Филиппопольский Нифон (Антиохийский Патриархат), Сергиевский Василий, Орехово-Зуевский Алексей, Дмитровский Александр.

После окончания богослужения, при вручении мне архипастырского жезла, Святейший Патриарх, в соответствии с установившейся традицией, произнес речь, в которой, в частности, сказал:

Избрание твое на епископское служение совершилось в канун памяти святителя Стефана исповедника, Архиепископа Сурожского, небесного покровителя Сурожской епархии. В этой епархии предстоит тебе нести свое служение, помогая Митрополиту Сурожскому Антонию, для которого ты должен стать надежной поддержкой и опорой. Твое архипастырское попечение должно простираться на всех без исключения овец вверенной тебе паствы. Но особое внимание обрати на тех многочисленных ныне чад нашей Церкви, которые оказались на чужбине и для которых храм остается едва ли не единственной связью, соединяющей их с родиной. Будь для них пастырем и отцом, наставником и учителем; их радости да будут твоими радостями, и печали их да будут твоими печальями.

Таким образом, Святейший Патриарх особо отметил необходимость пастырского окормления тех чад Русской Православной Церкви, которые покинули родину и проживают вне ее пределов, иными словами, русскоязычной паствы Сурожской епархии. Именно об «обучении и духовном образовании вновь прибывающих россиян» писал Патриарху Владыка Антоний, и именно в соответствии с просьбами Владыки Антония передо мной была поставлена задача обратить особое внимание на русскоязычную паству.

Реакция епископа Василия. Мои первые шаги в Сурожской епархии

В моей архиерейской хиротонии, по моему приглашению, принял участие епископ Сергиевский Василий. По возвращении в Англию он разослал по электронной почте письмо, адресованное духовенству епархии. В этом письме по поводу моего назначения говорилось следующее:

Многие из вас уже слышали, что на заседании 26-27 декабря 2001 года Синод в Москве принял отставку архиепископа Анатолия (который, тем не менее, останется в Британии и будет возглавлять манчестерский приход во время строительства там нового храма) и назначил игумена Илариона (Алфеева) епископом Керченским, викарием Сурожской епархии...

В Англии он не будет финансироваться епархией, которая не имеет на это средств, но будет зарабатывать на жизнь как исследователь в Центре богословских исследований Кембриджского университета...

Из того, что говорилось на встречах нашего клира в течение последних нескольких лет, вы поймете, что мы в Лондоне едва справляемся с наплывом иммигрантов из России. В конце концов, именно эта ситуация привела к тому, что Патриархат освободил о. Илариона от его нынешних обязанностей. Мы ожидаем, что по выходным он будет помогать нам в Лондоне. Они, однако, не хотели послать его в Англию как простого священника, так как он один из их наиболее подходящих кандидатов в епископы. В результате он послан сюда как викарный епископ митрополита Антония с условием, что время от времени они будут давать ему те или иные поручения.

Это письмо шокировало многих священников епархии, усмотревших в словах епископа Василия еле скрываемое недовольство по поводу моего назначения. До этого назначения епископ Василий был уверен, что именно он является единственным преемником митрополита Антония, однако во время моей хиротонии он решил, что не он, а я предназначен к тому, чтобы стать преемником. Никакого решения на этот счет не было, однако у Владыки Василия сложилось такое ощущение, которым он и поделился с митрополитом Антонием и некоторыми другими клириками Сурожской епархии сразу по возвращении из Москвы. (В августе 2002 г. в адресованном мне открытом письме митрополит Антоний скажет: «Владыка Василий... вернулся из Москвы после участия в твоей хиротонии в смущении. Ходили слухи о том, что, как только я уйду, именно ты будешь назначен митрополитом Сурожским...»).

Дабы предотвратить возможность роста моего влияния среди русскоязычных прихожан, Владыкой Василием была продумана система мер, направленная на то, чтобы мое присутствие в епархии было как можно менее заметным. Прежде всего он резко воспротивился тому, чтобы я жил и служил в Лондоне: Владыке Антонию было сказано, что основным местом моего служения должен стать Кембридж, так как Кембриджский приход «разрушен» о. Иоанном Джиллионсом и требует восстановления. Поэтому, когда 1 марта я приехал в Лондон и прямо из аэропорта направился к митрополиту Антонию для получения инструкций, Владыка Антоний сказал мне, что он, во-первых, ожидает от меня регулярного служения в Кембридже и преподавания в Православном институте, а во-вторых, поручает мне объехать епархию и встретиться с духовенством приходов. На мой вопрос о том, должен ли я служить в Лондоне, он ответил: «В Лондоне нас и так достаточно. Ты можешь, конечно, иногда приезжать, чтобы люди тебя видели, но основное внимание обрати на Кембридж и другие приходы». Это указание шло вразрез со всеми предыдущими договоренностями, согласно которым именно Лондонский собор на Эннисмор Гарденс должен был стать основным местом моего служения. За все время пребывания в Сурожской епархии я лишь однажды произнес проповедь в соборе, лишь однажды совершил самостоятельно воскресную Литургию, лишь однажды провел беседу с прихожанами на английском языке и дважды на русском.

Местом моего служения теперь должен был стать Кембридж, где, как выяснилось, приход был не только не «разрушен», но наоборот, фактически создан о. Иоанном Джиллионсом. Впрочем, совместить служение на приходе с преподаванием в Православном институте мне так и не позволил Владыка Василий: будучи председателем совета директоров института, он позаботился о том, чтобы вообще не допустить меня к работе в нем. Если в письмах Владыки Антония Патриарху речь шла о том, чтобы по приезду в Кембридж я «возглавил» институт, то в планы Владыки Василия это отнюдь не входило. Я не получил возможность не только возглавить институт, но даже и преподавать в нем, так как Владыка Василий, на котором лежала ответственность за выяснение вопроса о моей визе, разрешении на работу в Великобритании и о размере моей зарплаты, фактически блокировал решение всех этих вопросов. На мой научный проект Содружеством св. Албания и св. Сергия, а

также анонимным спонсором были заблаговременно выделены 40 тыс. фунтов стерлингов, которые должны были поступить на счет Кембриджского университета, однако Владыка Василий устроил так, что эти деньги, из которых половина уже лежала на его банковском счету, вообще не достигли университета. Несмотря на то, что православный институт находится в кризисном состоянии, я ни

разу не был приглашен ни на одно заседание совета директоров, ни на одну встречу, где бы обсуждалось будущее этого учебного заведения. Фактически я с самого начала оказался отстранен от института. Точно так же был отстранен от института епископ Диоклийский Каллист — единственный человек в правлении института, который являлся настоящим и всемирно известным ученым. В знак протеста против действий совета директоров во главе с епископом Василием Владыка Каллист ушел в отставку с поста президента института.

Не получив преподавательскую должность в Кембридже и будучи лишен возможности пастырского служения в Лондоне, я, по благословению Владыки Антония, начал посещать приходы епархии. В марте-апреле я посетил приходы в Суиндоне, Уолсингеме, Нориче, Тотнесе, Тавистокке, Оксфорде, Кембридже, Портсмуте, Экзетере, на Лазареву субботу служил в Дареме, на Вербное воскресенье в Ноттингеме, на Пасху в Дублине (Ирландия). Из перечисленных приходов только два (Суиндон и Дублин) являются преимущественно русскоязычными: в них я служил главным образом по-славянски. Остальные приходы являются англоязычными, и там я служил по-английски. Общался я с прихожанами в основном по-английски, лишь иногда по-русски, по-гречески или по-французски.

Везде на приходах я встречал самый теплый и радушный прием со стороны духовенства и мирян. Однако чем положительнее была реакция на мои поездки, тем отрицательнее становилось отношение ко мне епископа Василия. До моего приезда именно на нем главным образом лежала обязанность ездить по приходам: он это делал, но редко и нерегулярно. Один из приходов он посетил за неделю до меня, но это был первый и единственный визит за девять лет его архиерейства. А в некоторых приходах он вообще ни разу не был. Поэтому когда я стал ездить по приходам, это было воспринято Владыкой Василием крайне болезненно.

Обвинения в мой адрес

Вскоре после моего приезда сформировалась группа моих противников во главе с епископом Василием. В группу вошли клирики Лондонского собора протоиерей Иоанн Ли и священник Александр Фостиропулос, настоятель прихода в Восточном Сассексе протоиерей Сергей Гаккель и председатель Епархиальной ассамблеи Ирина Кириллова. К концу апреля они выдвинули против меня несколько обвинений.

Первое заключалось в том, что я был назначен в Сурожскую епархию без согласования с клиром епархии, что мое назначение произошло по инициативе митрополита Кирилла, который ради этого самовольно, единолично и внезапно отстранил от должности архиепископа Анатолия. Говорилось также, что, если бы я приехал в епархию священником, а затем стал епископом, не было бы недовольства по поводу моего назначения. О своем назначении я уже говорил выше. К сказанному добавлю, что в течение двух лет, с 1993 по 1995 годы, когда я писал докторат в Оксфордском университете, я служил священником на приходах Сурожской епархии — регулярно в Оксфорде, многократно в Бристоле и изредка в Лондоне. Никаких проблем вокруг моей личности и деятельности тогда не возникало и никакого недовольства по моему поводу ни у кого не было. Чтобы объяснить, почему тот же самый человек был хорош как священник, но не подошел как епископ, мои недоброжелатели в Сурожской епархии выдвинули тезис о том, что, став епископом, я полностью изменился: ожидали одного человека, приехал другой.

Следующее обвинение состояло в том, что мой стиль богослужения не соответствует «стилю» Сурожской епархии. В епархии, вернее, в Лондонском соборе, существует своеобразный стиль, созданный митрополитом Антонием, который служит не вполне архиерейским, но и не вполне иерейским чином. Поначалу мне было нелегко приспособиться к этому стилю, и после первых двух совместных Литургий Владыка Антоний сказал мне, что я служу не так, как они привыкли. В Лондоне я в дальнейшем стал приспосабливаться к его стилю, но на других приходах служил в соответствии с церковным уставом. По приходам я ездил, как правило, в сопровождении одного или двух иподиаконов (в прежние времена архиерей приезжал либо без сопровождения, либо в сопровождении женщины, которая служила и волителем, и «иподиакониссой»). То, что при

приведенный монашеский, который служила и водилась, и «интерконтинентальный». То, что при совершении богослужений я следовал церковному уставу, а не Сурожскому «стилю», было представлено Владыкой Василием как нарушение традиций епархии и стремление ввести в ней «московский стиль».

Еще одним обвинением в мой адрес было то, что я якобы общаюсь почти исключительно с русскими и игнорирую англичан. В Лондонском соборе я общался, вероятно, больше с русскими, чем с англичанами, по той причине, что русскоязычная паства собора превышает англоязычную примерно в десять раз. Однако в других приходах я общался главным образом с англичанами, поскольку русских там почти не было. Из приведенных выше писем Владыки Антония очевидно, что он мыслил себе мою пастырскую работу как прежде всего ориентированную на русскоязычное население («нам будет необходим второй викарий, чисто русский, а с моим уходом на покой или путем переселения в Вечные Обители, его роль, тщательно подготовленная, может охватить значительную долю пастырской работы среди все возрастающей русской паствы» в письме от 11 ноября 2000 года; «новопоставленный епископ Иларион займется как в Лондоне, так и на всей территории епархии русскими» в письме от 18 декабря 2001 года). Однако я видел свое служение по-иному, считая, что епископ не может служить только одной этнической группе, но должен быть, по слову апостола Павла, «всем для всех». Именно поэтому с самого начала я общался и с русскими, и с англичанами, и с греками, и с грузинами, и с украинцами, и с белорусами, и с представителями других национальностей.

Меня обвинили в том, что я проявлял «строгость» по отношению к духовенству. Это обвинение было основано на следующем инциденте. Однажды за Литургией я заметил, что клирик Лондонского собора протоиерей Иоанн Ли, причащаясь Крови Христовой, глубоко погружает в нее усы, а потом сразу же отирает их платом, в результате чего значительная часть Крови Христовой остается на плате. Об этом я сказал ему в предельно мягкой и корректной форме, после окончания Божественной Литургии. Он, однако, воспринял мое замечание крайне болезненно и сообщил Владыке Антонию, а затем и всему духовенству епархии о том, что я якобы обвинил его в «неблагоговейном» принятии Святых Тайн. Из незначительного эпизода был раздут скандал.

Меня обвинили также в том, что я разделил ранее единую и монолитную епархию на «своих» и «чужих». Действительно, вскоре после моего приезда среди духовенства и мирян епархии появилось значительное число людей, симпатизировавших мне, но сформировалась также и группа лиц, отнесшихся к моей деятельности отрицательно. Причина разделения, однако, коренилась не только и не столько во мне, сколько в том, как моя деятельность комментировалась сторонниками Владыки Василия. Мне, например, известно от нескольких священников, что после моего посещения их приходов им звонил протоиерей Сергей Гаккель и, называя меня «агентом Москвы» и «ревизором», предупреждал их о якобы грозящей им со стороны Московского Патриархата опасности. Один из священников ответил ему прямо: «К нам приезжал другой человек — не тот, которого вы описываете». Что отвечали другие священники и миряне, которых он систематически обзванивал, я не знаю, но знаю, что не все устояли против его аргументов. Именно так происходило разделение на моих «сторонников» и «противников».

Были и более мелкие обвинения. Мне, например, поставили в вину, что по приезде в Великобританию я посетил российского посла, что якобы свидетельствовало о моем стремлении вовлечь российских государственных чиновников в решение внутрицерковных проблем. Обвинили в приобретении автомобиля, что якобы свидетельствовало о моей любви к «роскоши» (хотя автомобиль был приобретен подержанный и на мои личные средства, к тому же я его покупал исключительно для того, чтобы, по заданию митрополита Антония, ездить по приходам епархии). Владыка Василий также выразил крайнее недовольство по поводу того, что я попросил Владыку

Антония представить трех клириков епархии к награждению наперсными крестами (один из этих клириков праздновал 25-летие священнослужения) и подготовил текст прошения на имя Святейшего Патриарха, подписанный Владыкой Антонием. В этом епископ Василий усмотрел посягательство на права епархиального архиерея: дело было представлено так, будто я сам от себя вручал церковные награды священнослужителям.

За мной была установлена постоянная слежка. Мои слова записывались, действия комментировались, разговоры подслушивались. Неоднократно я подвергался оскорблениям и публичному унижению. Создавалось ощущение, будто я оказался внутри тоталитарной секты с очень жесткими правилами и полным отторжением всякого, кто в них по тем или иным причинам не вписывается.

Вопрос об открытии новых приходов

Вскоре после моего приезда в епархию ко мне начали обращаться жители тех городов Великобритании, в которых нет русского православного храма. О каждом таком обращении я докладывал митрополиту Антонию, предлагая исследовать возможность создания общин в тех или иных местах. Особое внимание, считал я, надо обратить на крупные города, в которых проживает большое количество выходцев из бывшего СССР и в которых нет храма Русской Православной Церкви. Владыка Антоний поначалу относился к этим идеям с полным сочувствием. После одной из первых моих бесед с ним он сказал: «Наконец-то появилась надежда на будущее».

Для осуществления этой программы мне представлялось важным привлечь к более активному участию в жизни епархии как самих ее членов, так и тех, кто появляется в церкви лишь эпизодически. За несколько недель до Пасхи в разговоре с Владыкой Антонием я предложил составить текст обращения к тем, кто приходит в храм раз в год, на пасхальную утреню. Мне хотелось дать возможность людям, которые далеки от Церкви, почувствовать, что Церковь их любит и в них нуждается. В этом обращении я надеялся также ответить на просьбы об открытии новых приходов и призвать людей самим проявлять инициативу. Владыка Антоний эту идею поддержал. Я спросил, от чьего имени составить текст. Он сказал: «Составь от своего имени». Через несколько дней я принес ему следующий текст, начинавшийся словами «По благословению митрополита Сурожского Антония», на русском языке с параллельным английским переводом:

Сегодня весь православный мир празднует Воскресение Христово. Сегодня в каждом православном храме, в каждой православной семье радуются о Христе, пострадавшем и воскресшем ради нашего спасения.

Среди собравшихся этой ночью в храм на богослужение есть и те, кто посещает церковь регулярно, и те, кто бывает в храме только по большим праздникам, и те, кто лишь изредка заходит в храм. Есть среди нас люди, веровавшие с детства, есть пришедшие к вере в зрелом возрасте, а есть и те, кто еще только на пути к вере. Но Бог не делает различия между верующими и неверующими: Он верит в каждого человека, Он любит каждого из нас, Он слышит нас всякий раз, когда мы обращаемся к Нему, и всегда готов прийти к нам на помощь.

Церковь, основанная Самим Богом, также всегда готова прийти на помощь всякому человеку. Когда вам трудно, когда у вас горе, когда вы в отчаянных обстоятельствах, приходите в храм, помолитесь Господу, и Он непременно услышит вас и поможет вам... Пусть храм станет вашим духовным домом, где душа ваша будет очищаться и жизнь преображаться благодатью Божией, которая действует вопреки всякому человеческому несовершенству и несмотря на все наши грехи, недостатки и немощи.

Но не только вы нуждаетесь в Церкви: Церковь также нуждается в вас. Церковь существует и развивается благодаря вам, вашему участию в ее жизни, вашей поддержке — духовной, моральной и материальной. Каждый православный верующий призван быть не пассивным прихожанином, забывающим о своем христианском долге сразу после окончания богослужения, но активным членом церковной общины, вносящим свою лепту в дело созидания Церкви Христовой. Каждый из нас имеет что-либо, чем он мог бы поделиться с Церковью. У одного есть материальное богатство, у другого свободное время, у третьего таланты и способности, которые он мог бы употребить на пользу Церкви. Не зарывайте свой талант в землю, пустите его в оборот чтобы он принес стократную прибыль и преобразил жизнь многих

...желание, пусть и себе в оборот, чтобы он принес стократную прибыль и преобразил жизнь многих людей вокруг вас.

Ваше содействие и участие необходимо Сурожской епархии, которая объединяет всех верующих Русской Православной Церкви, проживающих на территории Великобритании и Ирландии... Есть на Британских островах немало городов, где верующие Русской Православной Церкви не имеют своих приходов и лишены возможности слышать православное богослужение на родном для них языке. У Сурожской епархии нет приходов ни в Бирмингеме, ни в Ливерпуле, ни в Брайтоне, ни в Шеффилде, ни в Ньюкастле, ни в Эдинбурге, ни в Глазго, ни во многих других крупных городах. Такие приходы можно создать, но для этого необходимы ваша инициатива, ваше участие... Всякая ваша инициатива, всякое предложение будет встречено с благодарностью и сочувствием.

Владыка Антоний взял текст на изучение и через несколько дней вернул мне без поправок. Я спросил, нет ли у него замечаний, нет ли в тексте чего-либо лишнего, требующего сокращения или изменения. Он ответил, что с содержанием обращения полностью согласен, и дал благословение на то, чтобы размножить этот текст, разослать по приходам и раздать людям перед началом пасхальной утрени.

Текст обращения был размножен на ксероксе и разослан по приходам. Некоторое количество копий осталось в алтаре Лондонского собора для раздачи прихожанам. В Великую субботу эти копии увидел священник Александр Фостиропулос. Прочитав текст, он схватил один экземпляр и побежал к Владыке Антонию. Что он ему говорил, мне неизвестно, но в результате Владыка Антоний распорядился приостановить распространение обращения. (Впоследствии меня обвинили в том, что я без благословения правящего архиерея составил от своего имени «пасхальное послание» и намеревался раздать его прихожанам). Когда же после Пасхи я спросил Владыку Антония, по какой причине он запретил распространение текста, который ранее одобрил, он ответил уклончиво: «Мы решили его пока попридержать».

Действия епископа Василия и его сторонников по устранению меня из Сурожской епархии

Накануне Пасхи сторонники епископа Василия перешли от слов к делу. Протоиереем Иоанном Ли был распущен слух о том: а) что до Пасхи митрополит Антоний будет отстранен от своих обязанностей, б) что после Пасхи я поеду в Москву и получу назначение на Сурожскую кафедру. Владыка Антоний, к сожалению, поверил в этот нелепый и злонамеренный вымысел и направил на имя Святейшего Патриарха факс, в котором просил не отстранять его от занимаемой должности ввиду напряжения, возникшего в епархии в связи с моим приездом. Через три недели от Патриарха был получен ответ:

Радость пасхальных дней омрачена для меня Вашим посланием, в котором Вы просите не снимать Вас с должности правящего архиерея Сурожской епархии. Как Вам говорил Владыка митрополит Кирилл, который приезжал в Великобританию специально для встречи с Вами осенью прошлого года, у нас не было и нет ни малейшего намерения освободить Вас от должности правящего архиерея. Напротив, мы просили и продолжаем просить Вас управлять созданной Вами епархией ровно столько, сколько позволят Вам Ваши телесные силы.

Именно для того, чтобы сохранить Вас во главе епархии и оказать Вам помощь в ее окормлении, мы направили к Вам в качестве Вашего викария епископа Илариона. Решение это было принято нами исключительно из уважения и любви к Вам, по Вашей троекратной горячей просьбе. Также в соответствии с Вашим пожеланием и по Вашему предложению был уволен на покой Владыка архиепископ Анатолий. Ни его отставка, ни назначение епископа Илариона Вашим викарием не были нами инициированы и находились вне всяких наших планов. Епископ Иларион, как Вы знаете, предназначался нами для другого, не менее ответственного служения. Его отъезд из Отдела внешних церковных связей привел к значительным затруднениям на том участке, где

из Отдела внешних церковных связей привел к значительным затруднениям на этом участке, за который он отвечал... Но мы пошли на эту жертву ради Вас и Вашей епархии, ради того, чтобы максимально облегчить Вам труды по ее управлению.

Хотел бы особо подчеркнуть, что епископ Иларион назначен Вашим викарием, а это означает, что весь круг его обязанностей определяется Вами. Преосвященный Иларион ничего не делает и не будет делать в епархии без Вашего благословения. Таково было с самого начала наше ему указание, которое он воспринял с радостью, ибо относится к Вам с глубоким уважением и искренней любовью, считая себя Вашим учеником.

Вы просили нас, дорогой Владыко, прислать к Вам епископа Илариона для того, чтобы он преподавал в Кембриджском православном институте и трудился в Лондонском соборе, посещая при этом и другие приходы епархии.

Кроме того, нас глубоко огорчает доходящая до нас информация о том, что Владыку Илариона называют «ревизором», присланным из России, «агентом Москвы», видят в нем чуть ли не врага, направленного для того, чтобы разрушить Сурожскую епархию изнутри.

Очень встревожило нас и другое — информация о том, что небольшая группа клириков и мирян Лондонского собора втайне от большинства прихожан, вопреки желанию многих клириков и части Приходского совета, переоформляет на себя недвижимость собора. Для чего это делается и почему это происходит именно сейчас? Неужели для того, чтобы Москва, как выразился один из членов этой группы, не «захватила» все в свои руки? Когда русская диаспора стремится к объединению вокруг Московского Патриархата, включая даже тех, кто долгие годы пребывал в расколе, эти высказывания и эти действия вызывают недоумение и боль.

Хочу заверить Вас в том, что созданное Вашим жизненным подвигом церковное наследие в Великобритании будет всегда служить православным, живущим в этой стране...

Ответ Святейшего Патриарха митрополиту Антонию был по просьбе Владыки Антония зачитан на собрании духовенства 25 мая. Однако епископ Василий счел его «вмешательством во внутренние дела Сурожской епархии», ибо в письме Святейшего упоминалось, в том числе, переоформление церковного имущества, осуществленное сторонниками епископа Василия (речь об этом пойдет ниже). «Никогда еще Патриарх не проявлял такой осведомленности в делах нашей епархии», — негодовал епископ Василий.

После возвращения из Ирландии, где я служил на Пасху, я встретился с Владыкой Антонием и имел с ним длительную беседу по поводу возникших слухов. Договорились, что в ближайшее воскресенье, 12 мая, мы вместе обратимся к народу после Литургии, опровергнем слухи и призовем людей к спокойствию. Однако 12 мая Владыка не служил. Поэтому после Литургии я сам объявил народу о том, что распространяемые слухи не имеют под собой реальных оснований, что никто не собирается отправлять в отставку Владыку Антония и назначать меня на его место. «Я назначен сюда не преемником Владыки Антония, а его викарием, чтобы помогать ему в управлении епархией», — сказал я. Впоследствии эти мои слова, записанные на магнитофон, были переведены на английский язык таким образом, чтобы получалось, что я приехал «управлять епархией». Именно в таком виде дело было представлено епископом Василием митрополиту Антонию.

19 мая, когда я по служебным делам уехал в Москву, Владыка Антоний на собрании Лондонского приходского совета выступил с объявлением по поводу моей деятельности в епархии. Он сказал о том, что мое назначение совпало с отставкой архиепископа Анатолия, которая, по его словам, была произведена «очень быстро, без предупреждения, без подготовки, как решение Патриархата, которое ранило многих из нас». Далее Владыка Антоний сказал: «Распространился слух — и слух не ложный, потому что я имею официальное подтверждение этого от Отдела внешних сношений Церкви, с согласия Патриарха, — что Владыка Иларион станет моим преемником, когда я уйду в отставку». Этот слух, по словам Владыки Антония, «ранил и удивил многих людей». Затем Владыка сказал о напряжении, возникшем в епархии после моего приезда. Назвав меня своим «другом» и сообщив о «глубокой связи», которая существует между ним и мною, Владыка Антоний

«другом» и сообщив о «лубочной связи», которая существует между ним и мною, Владыка Антоний вместе с тем указал на то, что я не проник в «стиль и дух» Сурожской епархии, которая должна строиться на идее «служения», а не на идее «управления». Владыка Антоний объявил, что дает мне два-три месяца, в течение которых я должен вжиться в стиль и дух епархии, а епархия должна лучше узнать меня. В заключение своего выступления Владыка Антоний сказал:

Скоро у нас состоится встреча духовенства епархии, на которой мы будем обсуждать ту же самую проблему, а затем у нас будет период ожидания и совместной работы, которая поможет нам лучше понять его, а ему лучше понять нас, и сформировать команду, которая, как я верю, будет творческой, потому что у него много даров, которых у меня никогда не было и никогда не будет. Он молод, он силен, он доктор богословия, он написал несколько богословских трудов, которые получили высокую оценку, и он может внести очень богатый вклад, но только при условии, если мы создадим команду и будем все вместе.

Выступление Владыки Антония, как будто, носило примирительный характер. Некоторые утверждения митрополита, впрочем, вызвали недоумение. Во-первых, то, как им была представлена отставка Владыки Анатолия, происшедшая на самом деле по его инициативе и его многократной письменной просьбе (в письме от 11 ноября 2000 года на имя Патриарха: «Рано или поздно Владыка Анатолий попросится на покой»; в письме от 18 декабря 2001 года, опять же на имя Патриарха: «До сих пор русскими занимался усердно и успешно Владыка архиепископ Анатолий. Но, как Вы знаете из его собственного прошения, приближается время и ему уходить на покой. Я бы просил Вас... удовлетворить его прошение»). Во-вторых, многих удивило упоминание об «официальном подтверждении» от ОВЦС, «с согласия Патриарха», слуха о том, что я должен стать преемником Владыки Антония. Когда затем Владыку Антония спросили напрямую, что это за официальное подтверждение, он признался, что никакого подтверждения не было, а что информация об этом поступила от Владыки Василия. (Три месяца спустя, в адресованном мне открытом письме Владыка Антоний выдвинет еще одну версию распространения этого слуха: я будто бы сам сказал ему об этом «как духовнику»).

Текст выступления Владыки Антония был повешен на доске объявлений Лондонского собора, направлен архиепископу Фиатирскому Григорию, главе Великобританской епархии Константинопольского Патриархата, разослан по приходам Сурожской епархии для раздачи прихожанам, напечатан в приходском листке и распространен через интернет. Вечером 16 июля он был также размещен на официальном интернет-сайте Сурожской епархии, однако утром следующего дня был оттуда снят по личному распоряжению митрополита Антония.

25 мая состоялось внеочередное экстраординарное собрание духовенства епархии, созванное епископом Василием по инициативе протоиерея Сергея Гаккеля. На собрании епископ Василий, протоиерей Сергей Гаккель и священник Александр Фостиропулос надеялись собрать голоса духовенства в пользу моего изгнания из епархии. Предполагалось, что я буду отсутствовать. Однако некоторые священники епархии сообщили мне о готовящейся акции, и я принял участие в собрании. На нем я прежде всего опроверг утверждения о том, а) что я был назначен в Сурожскую епархию как «агент Москвы», б) что Москва инициировала отставку Владыки Анатолия, без согласия на то митрополита Антония, в) что митрополит Антоний просил меня в Лондон в качестве священника, а меня прислали епископом. Далее я рассказал о первых двух месяцах своего пребывания в епархии, о посещении приходов, встречах с духовенством и мирянами. Рассказал также о тех трудностях, с которыми столкнулся, о противодействии группы духовенства и мирян, опроверг слухи и домыслы, связанные с моим приездом и деятельностью в Сурожской епархии. Затем я изложил свое видение настоящего и будущего епархии. В заключение призвал клир к сотрудничеству и единомыслию.

Далее по предложению Владыки Антония началось обсуждение, в ходе которого стало понятно, что большинство духовенства относится ко мне положительно. Священники, один за другим, выступали в мою поддержку, рассказывали о моем посещении их приходов, о положительном впечатлении, которое эти визиты оставили на прихожан.

После нескольких подобного рода выступлений в дискуссии неожиданно вмешался

После нескольких недолгих радов выступлений в дискуссии неожиданно вмешался протоиерей Иоанн Ли, который сказал: «Мы здесь собрались не для того, чтобы расхваливать епископа Илариона, а чтобы его критиковать. Предполагалось, что он не будет присутствовать на этом заседании. Я требую его удаления». Тогда священник Иоанн Джиллионс из Кембриджского прихода потребовал, чтобы я остался. Начался спор между духовенством. Владыка Антоний поставил вопрос на голосование. Лишь восемь человек из тридцати проголосовали за то, чтобы я вышел. Владыка Антоний сказал, что я должен остаться, и дискуссия продолжилась в моем присутствии.

С обвинениями против меня выступили три человека: протоиерей Иоанн Ли, священник Александр Фостиропулос и епископ Сергиевский Василий. Последний в крайне эмоциональной форме высказался по поводу моего назначения в епархию, сказав, что до моего назначения он жил «как в раю», а теперь все изменилось. Резкие слова были сказаны в адрес Священного Синода, принявшего решение о рукоположения наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Феоноста во епископа с титулом «Сергиево-Посадский», что дублирует титул Владыки Василия — «Сергиевский». Владыка Василий также обвинил Московский Патриархат в том, что он будто бы занял ошибочную позицию по отношению к своим зарубежным епархиям: Москву якобы интересуют только русские, а до иностранцев ей дела нет. Свое выступление епископ Василий прерывал возгласами, обращенными ко мне: «Не смотрите на меня так!» Закончил словами: «У меня нет будущего в Московском Патриархате, и вы, конечно, с этим согласитесь».

Собрание духовенства окончилось безрезультатно: попытка епископа Василия собрать голоса духовенства против меня не увенчалась успехом. Тогда епископ Василий пошел ва-банк и созвал внеочередное собрание Епархиального совета, членами которого являются все те же Владыка Василий, протоиерей Сергей Гаккель, Ирина Кириллова и еще несколько англичанок (ни Владыка Анатолий, ни священник Максим Никольский, являющийся членом совета, на заседании не присутствовали). Епархиальный совет потребовал от Владыки Антония, чтобы он заставил меня незамедлительно подать в отставку, не дожидаясь окончания назначенного им двух-трехмесячного срока. Мотивировали это тем, что с каждым днем моего пребывания в епархии число моих сторонников увеличивается.

Епархиальным советом было составлено заявление, распространенное впоследствии через средства массовой информации. Текст этого заявления мне направлен не был, поэтому привожу его по версии, размещенной в интернете (орфография и стилистика оригинала сохранена):

Епархиальный совет осознает глубину и распространенность озабоченности, возникшей по всей Епархии вследствие назначения Священным Синодом Московской Патриархии епископа Илариона на место второго викарного епископа в Сурожской епархии.

Митрополит Антоний неоднократно просил о назначении в Лондон отца Илариона Алфеева, кем еще тогда являлся будущий епископ, так как он казался сугубо подходящим для работы в нашей епархии: он провел два года при Оксфордском университете, заканчивая свою докторскую работу. Его знали многие из нашего епархиального духовенства. И он, казалось, разделял дух и видение нашей епархии.

Митрополит Смоленский Кирилл, Председатель Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии, сообщил митрополиту Антонию, что отец Иларион назначен в Лондон, но не как простой священник и ученый богослов, а как епископ. Митрополит Кирилл также сообщил, что епархия размеров Сурожской не может иметь больше двух викарных епископов, и что, поэтому, владыке Анатолию будет предложено назначение в другую епархию или потребуются его немедленный уход на покой.

Этот уход на покой владыки Анатолия был приведен в исполнение лично митрополитом Кириллом, в ноябре прошлого года, когда митрополит Кирилл был проездом в Лондоне, и его звание Керченского епархиального епископа немедленно перешло к новопоставленному епископу Илариону. Владыка Антоний ни о чем не был предупрежден. Он остается с нами, совершая богослужения в нашем соборе и пастырски overseeing наш приход в Манчестере, за что мы ему

богослужения в нашем соборе и пастырски опекая наш приход в Манчестере, за что мы ему выражаем нашу глубокую благодарность.

Епископ Иларион прибыл в Англию в начале марта, и очень скоро начал разъезжать по приходам епархии. Однако почти сразу стало ясно, что он устанавливал контакт почти исключительно с членами русской общины, поощряя у них впечатление, что он «их» епископ, поддерживающий «их» интересы в епархии, которая должна стать национальной, чисто русской епархией. Предлагалось закрытие существующих приходов и евхаристических общин и открытие им взамен новых приходов, без предварительного обсуждения или совещания с владыкой Антонием. Ставилась под вопрос законность нашего епархиального Устава; духовенство и миряне подвергались критике без их ведома третьими лицами.

Все ярче обозначался стиль, в богослужении резко отличающийся от богослужебного стиля принятого в нашей епархии, с все большим ударением на значение литургической роли архиерея и тем самым, с ослаблением значения призвания архиерея, призванного служить всей своей пастве. Ни одной попытки понять дух и жизнь нашей епархии или ее драгоценного и уникального вклада в жизнь Православной Церкви в западной Европе нельзя было усмотреть.

За несоответствием эклезисологических (церковных) принципов и форм проступает еще более глубокое несоответствие между той верой, которую мы исповедуем, и которой мы живем в Православной Церкви в Великобритании и Европе, и трагическим опытом Русской Церкви, тяжело травмируемой насильем и жестокостью больше 70 лет коммунизма, ныне пытающейся снова обрести свой национальный облик и нуждающейся, как кажется, в нарочитом проявлении иерархического, в отличие от соборного, авторитета.

Учитывая отсутствие, как будто, всякого желания постичь или понять дух, которым живет наша епархия, или участвовать в полноте той жизни нашей епархии, которую столь много лет и с такой любовью создавал митрополит Антоний и все наше духовенство, жизнь церковную, которую мы считаем верной учению Православной Церкви, митрополит Антоний счел необходимым указать епископу Илариону, что его деятельность и форма, принимаемая этой деятельностью, несовместимы с духом и жизнью Сурожской епархии, и попросить его вернуться в Москву, где он сможет более созидательно применить свои значительные таланты, чем в Сурожской епархии.

В этом маловразумительном тексте история моего назначения изложена искаженно: как явствует из приведенных выше писем митрополита Антония, на самом деле именно он неоднократно обращался к Патриарху и митрополиту Кириллу с просьбой прислать меня в Сурожскую епархию в качестве викарного архиерея; именно он, а не митрополит Кирилл, высказал мысль об отставке архиепископа Анатолия; именно он сообщил Владыке Анатолию о предполагаемом решении. Отставка Владыки Анатолия состоялась отнюдь не неожиданно и не во время приезда в Лондон митрополита Кирилла в ноябре 2001 года, а на заседании Священного Синода 27 декабря 2001 года — не по требованию митрополита Кирилла, а по собственному прошению Владыки Анатолия, поддержанному Владыкой Антонием.

Запоздалая благодарность Епархиального совета Владыке Анатолию звучит скорее как оскорбление и насмешка, чем как искреннее выражение любви и симпатии. Когда Владыка Анатолий приехал в Англию, его встретили так же, как меня, если не хуже, и многие в епархии об этом помнят. Первое время Владыка Анатолий вообще не имел ни жилья, ни зарплаты. Затем его поселили в холодном и сыром подвале (где он проживает и поныне), начислив ему (и то далеко не сразу, а через несколько месяцев после приезда) зарплату в размере 260 фунтов стерлингов в месяц. Думаю, что ни один архиерей Русской Церкви не живет в таких условиях, и ни одна епархия Русской Церкви не относится к своим архиереям с таким преступным пренебрежением. Если Епархиальный совет действительно так ценит и уважает Владыку Анатолия, почему ни Владыка Василий, ни Ирина Кириллова, ни другие его члены до сих пор не позаботились о том, чтобы хоть в чем-нибудь изменить эту постыдную ситуацию?

Целью несоответствия действительности утверждения Епархиального совета о том, будто

Не соответствующую действительности утверждения Епархиального совета о том, будто, «разъезжая» по епархии, я устанавливал контакты «почти исключительно» с членами русской общины, и будто, по моим представлениям, Сурожская епархия должна была «стать национальной, чисто русской епархией». Свое видение будущего епархии я достаточно подробно изложил в выступлении на собрании духовенства 25 мая, подчеркнув необходимость сохранения интернационального характера епархии. Утверждение Епархиального совета о том, что «предлагалось закрытие существующих приходов и евхаристических общин и открытие им взамен новых приходов, без предварительного обсуждения или совещания с владыкой Антонием», также не соответствует действительности: во-первых, я никогда не говорил о закрытии ни одного из приходов, а только указывал на необходимость открытия новых приходов в дополнение к уже имеющимся, а во-вторых, все свои мысли я прежде всего высказывал митрополиту Антонию и только после его одобрения делился ими с другими. За все время своего пребывания в Сурожской епархии я не сделал и не высказал ничего без благословения Владыки Антония.

Наиболее загадочным пунктом «Заявления», однако, является утверждение о том, что *вера*, исповедуемая Епархиальным советом, отличается от опыта Русской Церкви, восстающей после десятилетий гонений. У Сурожской епархии действительно много отличий от Русской Православной Церкви: у нее свой «Устав», во многих пунктах расходящийся с Уставом Русской Церкви, свой литургический «стиль», сильно отличающийся от общепринятого, свои порядки и традиции, своя «духовность». В епархии широко распространено унаследованное от времен холодной войны подозрительное отношение к «официальной» Церкви, недоверие к ее священноначалию. Но никогда до сих пор епархия не заявляла — устами своего официального органа — о *вероуचितельном* расхождении между нею и Русской Церковью.

Текст «Заявления Епархиального совета» был вручен Ириной Кирилловой Владыке Антонию перед началом Литургии 16 июня с требованием зачитать его по окончании Литургии. Владыка Антоний, вероятно, не ознакомившись с текстом заранее, начал его читать после «Буди имя Господне...» Поскольку текст содержал обвинения в мой адрес, я вышел на амвон и молча слушал. В какой-то момент Владыка Антоний прервал чтение словами «Я больше не могу» и ушел в алтарь. Тогда на амвон вскочила Ирина Кириллова и стала продолжить чтение. В храме началось возмущение: люди требовали удаления ее с амвона. Мне было тяжело все это видеть, и я тоже ушел в алтарь, Владыка Антоний опустил в кресло. Перекрикивая людей, Ирина Кириллова дочитала текст. После этого Владыка Антоний встал со словами: «Мне дурно. Ты можешь закончить Литургию?» Я закончил Литургию, а Владыку Антония разоблачили и увели из алтаря.

Реакция мирян и духовенства

О реакции паствы на то, что произошло в Лондонском соборе, можно судить по письму одной из многолетних прихожанок этого собора г-жи Мириам Ламбурас, полученному митрополитом Антонием (копия была направлена мне):

Я глубоко потрясена тем, что вся эта история предана огласке таким экстраординарным способом — объявление [от 19 мая] было зачитано на собрании прихода, опубликовано в приходском листке и приходской газете, размещено на доске объявлений в соборе, а также направлено в Фиатирскую епархию. История вряд ли получила бы большую огласку даже если бы была опубликована в «Daily Mail».

Конечно, митрополит Антоний должен был сам принимать решение о том, как поступать в данном случае, но при всем моем уважении к нему я должна сказать, что, по моему глубокому убеждению, сделать эту историю достоянием публики было грубой ошибкой... Во-первых, я считаю недопустимым публично унижать кого бы то ни было. Во-вторых, я осуждаю современную моду стирать грязное белье на людях. Вопрос касается епископа, и я думаю, что подобные вопросы должны решаться закрытым путем... В-третьих, все это ведет к катастрофе и почти гарантирует разделение и предвзятое отношение...

А затем следующий удар — чтение длинного «Заявления» после воскресной Литургии. Я была в полном смятении. Что бы ни сделал епископ Иларион (или что бы ему ни приписывали), этому событию не было ни малейшего оправдания. Я считаю, что это было подло и безжалостно, и казалось издевательством над службой, которая только что совершилась. Что же произошло с «Возлюбим друг друга» и с целованием мира? Сделал ли это митрополит Антоний по собственной инициативе или его к этому подтолкнули?..

Редко случается, чтобы ошибки допускались только одной стороной, однако у нас не было возможности услышать объяснение епископа Илариона, его точку зрения, его версию событий...

Единственный, кто достойно вышел из этой гнусной ситуации, был епископ Иларион, который мужественно и с достоинством стоял молча перед потоком уничижительных заявлений. Это напомнило мне о советских «показательных процессах», инсценировках судебного заседания. Это также напомнило мне слова Исаии: «Яко агнец прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст своих».

После всего этого он давал нам крест для целования. Он делал это с тихой простотой, хотя Бог знает, что происходило в его сердце...

Подумал ли кто-нибудь о другом человеке, которого все это тоже касается, — о матери епископа Илариона? Она должна была глубоко страдать за него. Вспоминается страдание Матери Божией у креста.

Г-жа Ламбурас далее пишет о своих контактах с другими прихожанами Лондонского собора, об их отношении к моей деятельности в епархии и к «Заявлению» Епархиального совета:

...Я старалась понять, в чем же все-таки дело, но тщетно. Слухов и сплетен было множество, но почти никаких фактов — по сути, вообще никаких. Как я и предполагала, я увидела раздор, смущение и возмущение.

Были те, кто разделял со мной чувство шока и ужаса от того, чему они стали свидетелями. Они чувствовали, что не знают почти ничего, и более всего жаловались на несправедливость, проявившуюся в том, что была услышана только одна сторона; выражали также отвращение по поводу того, что «Заявление» было зачитано в столь неподходящий момент, после Литургии.

Были те, кто тихонько ушли, чтобы не вмешиваться в споры и ссоры.

Но были также и те, кто утверждал, что они «знают», в чем дело — группа сплетников и распространителей слухов. Я бы могла привести примеры «фактов», которые они «знают», но все эти «факты» настолько абсурдны и несерьезны, что, кажется, никто не сможет в них поверить. В каждом конкретном случае, когда я настаивала, оказывалось, что эти их «факты» получены через вторые, третьи или четвертые руки: «кто-то сказал, что кто-то сказал»...

Когда по окончании Литургии 16 июня я давал народу крест, все присутствовавшие подходили ко мне, некоторые со слезами, и выражали сочувствие. Отвечать я не мог, так как на несколько часов потерял дар речи. Сразу же после Литургии начался сбор подписей в мою поддержку. В течение дня было собрано около 100 подписей, затем в течение последующей недели еще несколько сотен. Всего около 500 подписей было поставлено под различными петициями и обращениями на имя Святейшего Патриарха и митрополита Кирилла. Если учесть, что в епархии числится лишь около 1000 членов и что подписи собирались только в трех приходах (Лондон, Кембридж и Дублин), число подписей, собранных в мою поддержку, является достаточно красноречивым свидетельством отношения ко мне людей.

Вот что написали Патриарху прихожане Лондонского собора:

...С приездом Владыки мы связывали упования на то, что в жизни епархии начнется новый этап. Особые надежды возлагались на то, что растущая русскоязычная диаспора сможет получить должное пастырское окормление. Зная об особой духовной близости митрополита Антония и епископа Илариона, мы верили, что для Владыки Илариона будут созданы условия, позволившие бы ему плодотворно трудиться на благо епархии. Действительно, как в Лондонском кафедральном соборе, так и в других приходах епархии, которые посетил Владыка, люди встречали его с радостью и благодарностью, чувствуя в нем архипастыря, сердцу которого близки и понятны переживания и заботы как мирян, так и духовенства, как русских, так и англичан. Однако незначительная часть клириков и мирян, многие из которых настроены недружелюбно в отношении Московского Патриархата, создала разделение в епархии. Слухами и домыслами была создана атмосфера враждебности и нетерпимости с целью сделать пребывание Владыки Илариона в Сурожской епархии невыносимым. Одновременно начала подготавливаться почва для отделения от Московского Патриархата. Без объяснения причин епископ Иларион был отстранен от исполнения обязанностей викарного архиерея, о чем клирики епархии были извещены епископом Сергиевским Василием.

Мы хотим донести до сведения Вашего Святейшества, что мы успели полюбить и принять епископа Илариона как своего архипастыря. Также мы, как верные чада Русской Православной Церкви, просим Ваше Святейшество не оставлять Сурожскую епархию в Ваших молитвах, а также содействовать преодолению нестроений, возникших в ней.

Под этим письмом было поставлено около 250 подписей. А вот другое письмо за подписью около 100 человек, из храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Дублине (Ирландия), адресованное председателю ОВЦС митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу:

Мы весьма благодарны Господу за встречу с Владыкой Иларионом во время празднования Пасхи 2002 года. С первых же минут нашей встречи сердца сразу же безошибочно узнали в нем своего Владыку и Архипастыря, любящего отца и мудрого кроткого наставника, которого мы сразу же глубоко и искренне полюбили...

Первая Пасхальная служба в нашем храме, проведенная Владыкой Иларионом, была для нас лучом света. Радость Воскресения Христова коснулась всех нас. Владыка Иларион провел в Ирландии прекрасные богослужения, которых мы были лишены много лет. Они переносили нас из состояния разрозненности и отчуждения в удивительное, возрождающее единство...

Владыка Иларион имеет бесценный дар доносить до сердец слово Божие, как на русском, так и на английском языках. На этих богослужениях были не только русские, но и ирландцы, которые были глубоко тронуты проведением богослужений и проповедями Владыки Илариона...

Ваше Высокопреосвященство, нам трудно представить, во что обратится отъятие от нас Владыки Илариона. Ведь он нам подарил живую встречу с Богом в храме, обновление многих наших надежд, вселил надежду на будущность наших детей в Ирландии и даровал уверенность в возрастании и в обустройстве нашего прихода и общины. У нас появилось будущее!

Со всей глубиной сыновней преданности и любви к Вам, к Русской Православной Церкви, Ее Священноначалию и к Богу, надеясь на Вашу отеческую заботу и любовь, умоляем Вас — благословите нам Владыку Илариона оставаться нашим архиереем; не лишайте нас доброго Пастыреначальника; не дайте погибнуть радости и надежде, расцветшей в наших душах благодаря Владыке; не оставьте нас сиротами!

Немало писем в мою поддержку было направлено Святейшему Патриарху и митрополиту Антонию священнослужителями епархии. Приведу лишь одно:

Ваше Святейшество!

Я глубоко потрясен клеветой и несправедливостью, от которых пострадал епископ Иларион в Сурожской епархии. Хотя множество слухов и мнений циркулировало по почте, по электронной почте и по телефону, я более всего озабочен официальными заявлениями и шагами, которые были предприняты для того, чтобы вовлечь клириков и мирян епархии... В отношении епископа Илариона не был соблюден подобающий порядок разбирательства дела, которого заслуживает каждый человек, тем более епископ. Нормы самой епархии, изложенные в ее Уставе, не были соблюдены, не говоря уже о евангельских нормах.

Владыка Иларион не сделал ничего заслуживающего такого отношения, за исключением того, что он является человеком пронизательным, сострадательным, деятельным и обладающим многими талантами, что было воспринято как угроза уникальному характеру епархии, строившейся в течение пятидесяти лет. Я уверен, что при наличии терпения и понимания с обеих сторон все это можно было преодолеть.

В течение всего этого времени, когда епископ Иларион подвергался испытаниям и публичным унижениям, он явил пример мужества, благородства и смирения.

Приведу также — в переводе с английского языка — письмо, направленное в мой адрес настоятелем одного из англоязычных приходов Сурожской епархии и полученное мною 17 июня, на следующий день после обнародования заявления Епархиального совета:

Я глубоко опечален происходящими событиями. Я надеялся, что разделения внутри епархии могли быть уврачеваны и что мог быть достигнут прогресс на пути в будущее. Ваш визит вдохновил нас, как и многих по всей епархии. Вы были проводником благодати, мы были тронуты Вашей добротой и благородством духа; Ваше служение Божественной Литургии было вдохновляющим, молитвенным, неспешным, величественным. Мы увидели, каким позитивным могло бы быть наше будущее: молодой (но не слишком молодой) архиерей, окруженный молодыми будущими священниками. Казалось, что Вы сможете привнести свежесть, новизну, обновление и животворящий дух.

Знайте, что Вас любят и уважают многие, и мы с надеждой молимся о том, чтобы Бог благословил Вас и укрепил в это трудное время. Я искренне надеюсь, что мы встретимся вновь и что Вы не будете смотреть недоброжелательно на епархию, которая так плохо обоилась с Вами и которая явно не готова к изменениям, необходимым для будущего. Я надеюсь, что Бог, по Своей великой милости, простит наши недостатки и нашу неспособность использовать те возможности, которые, как я верю, Он дал нам. Патриарх прислал нам самое лучшее, что у него было, но он был отвергнут узостью взглядов и непониманием, которые, я уверен, могли быть исцелены терпением и молитвой...

Сейчас, когда Вы в наших сердцах и молитвах, мы будем поминать Вас за каждой Литургией...

А вот письмо от другого священнослужителя, тоже написанное по-английски и тоже полученное мною 17 июня:

Я глубоко потрясен тем, что выпало на Вашу долю, и испытываю чувство позора за то, что с Вами так обоились в Великобритании. Я также глубоко опечален тем, что, возможно, Вам придется уехать на другое служение вместо того, чтобы оставаться с нами, и надеюсь, что даже сейчас сохраняется возможность для Вас остаться в этой стране...

С Вашим приездом открылись новые возможности для Церкви в Британии — как внутри, так и за пределами Сурожской епархии... Ваше письмо [обращение к духовенству на собрании 25 мая] демонстрирует такое видение Православия в Британии, которого я ждал в течение многих лет, и я чувствовал, что заря новой эры загорается с Вашим приездом. Я не могу представить себе, что случится, если Вы уедете. Только Бог знает, откроются ли еще раз в этом поколении в Великобритании те возможности, которые были открыты в Вашем видении. Я просто не могу

Беликобританији те возможности, которые воплощены в Вашем видении. Я просто не могу представить, есть ли кто-либо еще, способный воплотить это видение в жизнь или даже просто выразить его!

Я не могу назвать имена авторов этих писем, дабы не подвергнуть их гонениям со стороны тех, в чьих руках находится сейчас власть в Сурожской епархии. Хотел бы, однако, воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить всех, кто в той или иной форме, письменно или устно, поддержал меня в трудные дни. Никогда еще в своей жизни я не слышал столько теплых слов в свой адрес, не чувствовал столь горячую поддержку столь многих людей, как в дни «Сурожской смуты». Это особенно поразительно, учитывая тот факт, что я провел в Сурожской епархии лишь чуть больше трех месяцев.

Хотел бы отметить, что, согласно одной из наиболее распространенных версий «Сурожского конфликта», причиной этого конфликта было противостояние между англичанами и русскими: последние, мол, меня поддержали, а первые выступили против. Эта версия ошибочна. В реальности как среди моих «сторонников», так и среди моих «противников» были и русские, и англичане. Немало англичан было в числе тех, кто направил письма Святейшему Патриарху.

Ошибочным является и утверждение, согласно которому половина духовенства и мирян меня поддержала, а другая половина нет (именно так представлял дело епископ Василий). На самом деле меня поддержало *большинство* духовенства и *несколько сот* мирян, тогда как против меня выступило лишь *несколько* священнослужителей при поддержке *незначительной группы* мирян. Конфликт, возникший в епархии после моего приезда туда, не был спонтанным: он был спровоцирован и искусственно раздут теми людьми, которые еще до моего приезда поставили своей целью любой ценой выжить меня из епархии.

Мои недоброжелатели

Что побуждало епископа Василия и его сторонников добиваться моего изгнания из епархии?

Прежде всего, все четверо опасались того, что я буду проводить линию на подчинение Москве и на «русификацию» епархии, которая до настоящего времени ориентировалась преимущественно на англичан. Утверждали даже, что я получил на эту тему инструкции из Москвы и буду проводить их в жизнь. Никакая «русификация» Сурожской епархии, разумеется, никем в Москве не планировалась, но о необходимости расширения пастырской работы среди русскоязычного населения, — не в ущерб работе с англоязычной паствой, а в дополнение к ней, — говорилось немало. Для многих — не только Москве, но и в Сурожке — было очевидно, что в связи с наплывом иммигрантов из России и других стран бывшего СССР необходимо увеличение числа русскоговорящих священников и открытие новых приходов.

Тема окормления русскоязычных прихожан, однако, чужда Владыке Василию, плохо говорящему по-русски и не имеющему контакта с русскоязычной паствой. Чужда она и некоторым другим членами епархии. Поэтому всякий раз, когда я упоминал о русских, эти лица обвиняли меня в стремлении русифицировать епархию. Стоило мне заикнуться о необходимости привлечь в епархию новых священников, в том числе говорящих по-русски, сразу же распускали слух о том, что я собираюсь изгнать всех священников-англичан и заменить их русскими.

Владыка Василий и его сторонники много говорили о «деспотизме» Московского Патриархата и о том, что в случае более тесного контакта между Сурожем и Москвой московские авторитарные порядки будут установлены в Сурожке. Однако до настоящего времени Москва не только не проявляла никаких авторитарных тенденций, но, наоборот, удовлетворяла любые просьбы Сурожской епархии и ее главы митрополита Антония. Когда он попросил себе в преемники Владыку Анатолия, последний был освобожден от управления Уфимской епархией и назначен его викарием. Когда затем митрополит Антоний передумал и решил сделать своим преемником не Владыку

Анатолия, а о. Василия Осборна, Москва по представлению Владыки Антония дала согласие на хиротонию о. Василия во епископа. Когда митрополит Антоний обратился с просьбой освободить меня от работы в ОВЦС и направить в Сурожскую епархию в качестве викарного архиерея, я был освобожден от работы в ОВЦС и направлен в распоряжение Владыки Антония. Когда, наконец, решили, что меня надо отозвать из епархии, я был отозван из епархии. Все упомянутые решения принимались Священным Синодом по представлению митрополита Кирилла.

Таким образом, нет никаких оснований для обвинений Московского Патриархата и лично митрополита Кирилла в «деспотизме», в желании установить в Сурожской епархии московский авторитарный стиль. Д-р Стивен Томас, один из активных членов прихода в Портсмуте, долгое время являвшийся духовным сыном епископа Василия, по этому поводу пишет:

Владыка Василий при встрече со мной утверждал, что, согласно 34-му Апостольскому правилу, утвержденному Трулльским собором, в управлении епархией один митрополит не должен вмешиваться в дела другой митрополии, и что в касающихся Вас вопросах Патриарх является всего лишь митрополитом другой епархии. Насколько мне помнится из этой дискуссии, владыка Василий подразумевал последующее преемство митрополита Антония и сохранение «стиля» управления епархией, противопоставляя ему ситуацию в России, где, как ему кажется, церковная иерархия абсолютно деспотична и полностью коррумпирована. Касательно канонического вопроса владыка Василий цитировал, перефразируя английский перевод, Кормчую книгу. Меня поразило его видение канонической стороны дела, и я спросил, необходимо ли для меня как православного христианина евхаристическое общение с Патриархом. Владыка Василий ответил, что достаточно общения с епархиальным архиереем...

Если бы Москва действительно занимала диктаторскую и высокомерную позицию по отношению к управлению Сурожской епархией, возможно, Владыка Василий имел бы основания для этого. Однако в действительности Москва не проявляет желание подтолкнуть митрополита Антония к отставке... Русская Православная Церковь, представленная Патриархом и Священным Синодом, в этом случае обходится с Сурожской митрополией весьма деликатно, без каких-либо признаков деспотизма, в котором она была обвинена. К сожалению, по всей видимости, деспотизм был проявлен в действиях нынешнего митрополита Антония, его викарного епископа Василия и маленькой, но полной решимости группы людей из кафедрального собора на Эннисмор Гарденс.

Помимо опасений общего характера, объединявших епископа Василия, о. Сергия Гаккеля, о. Александра Фостиропулоса и Ирину Кириллову, у каждого из них были свои личные причины для неприязни ко мне. Ирина Кириллова, например, была смертельно обижена тем обстоятельством, что я выступил против ее планов по продаже «Пушкинского дома», за который она и другие попечители дома надеялись получить несколько миллионов фунтов стерлингов. О. Александр Фостиропулос опасался, что, если я останусь в епархии, он потеряет контроль над финансами и недвижимостью Лондонского собора: в настоящее время именно он регулирует бюджет собора и определяет жалование духовенству (не приходится поэтому удивляться тому, что при равной нагрузке он сам получает ежемесячно около 1500 фунтов стерлингов в месяц, тогда как Владыке Анатолию он начислил лишь 260 фунтов). Что касается протоиерея Сергия Гаккеля, то его резкая реакция на мой приезд проистекала из его крайне негативной позиции по отношению к Московскому Патриархату. Протоиерей Гаккель на протяжении многих лет работает на радио Би-Би-Си и в своих передачах систематически обливает грязью священноначалие Русской Церкви, воспроизводя клевету и ложь, распространяемые западными средствами массовой информации.

Об отношении ко мне Владыки Василия я уже достаточно подробно говорил выше. К сказанному добавлю, что до моей архиерейской хиротонии наши с ним личные отношения были очень добрыми: пока я был священником, он вместе с Владыкой Антонием добивался моего назначения в Сурожскую епархию. Все изменилось после того, как Владыка Василий увидел во мне соперника, претендента на Сурожский «престол», который, как он считал, по праву принадлежит ему. Сразу же начались интриги, козни, сразу же стала проявляться зависть, не только отравившая

наши личные отношения, но и спровоцировавшая кризис во всей епархии. Одна женщина, внимательно наблюдавшая за тем, как вел себя Владыка Василий по отношению ко мне, сделала следующее заключение:

Владыку Василия во Владыке Иларионе раздражает все. Тому тридцать пять лет, этому шестьдесят три. У того две докторских степени, у этого ни одной. Тот автор десятка книг, этот не написал ни одного ученого труда. Тот говорит на нескольких языках, этот только по-английски. Тот всегда окружен людьми, на причастие к нему выстраивается очередь, этот всегда в одиночестве и не пользуется популярностью. Тот активен и полон энергии, этот пассивен и бездеятелен. Владыка Василий понимает, что если Владыка Иларион останется в епархии, его популярность будет с каждым днем расти, а потому убирать его нужно как можно скорее.

Данная оценка может быть более или менее справедливой, но, во всяком случае, в вопросе о том, оставаться ли мне в епархии или подавать прошение об отставке, последнее слово было именно за Владыкой Василием. 19 мая митрополит Антоний предоставил мне и епархии три месяца на взаимное узнавание и выразил надежду на то, что за это время будет сформирована «команда» и что я смогу внести вклад в жизнь епархии. Однако спустя лишь несколько дней после этого объявления Владыка Василий настоял на том, чтобы я подал в отставку незамедлительно. Несомненно, при наличии доброй воли с обеих сторон конфликт сошел бы на нет в течение двух-трех месяцев, «команда» была бы сформирована и я смог бы спокойно трудиться на благо епархии вместе с другими ее членами. Но именно этого меньше всего хотелось Владыке Василию.

Не хотелось ему и никакого серьезного обсуждения ситуации на Епархиальной ассамблее 29 июня. Он даже настаивал на том, что до 29 июня я должен не только написать прошение об отставке, но и покинуть Великобританию. Сделать этого я не мог, так как архиерей не имеет права самовольно покинуть порученное ему служение. Пришлось поэтому Владыке Василию смириться с моим присутствием на ассамблее. Однако в повестку дня ассамблеи вопрос обо мне включен не был. Когда этот вопрос все-таки возник, публике было объявлено о моей отставке как о свершившемся факте, и всякая дальнейшая дискуссия была пресечена.

Действия епископа Василия и его сторонников по подготовке перехода Сурожской епархии в другую юрисдикцию

Помимо мер, направленных на изгнание из Сурожской епархии меня как «агента Москвы», епископ Василий и его сторонники предприняли разнообразные действия по подготовке перехода Сурожской епархии или хотя бы ее части в другую юрисдикцию.

Прежде всего, была перерегистрирована недвижимость Лондонского прихода, которая включает здание и территорию собора, а также несколько домов в центре Лондона. Всем этим имуществом ранее распоряжался совет попечителей, состоящий из шести человек и подотчетный Приходскому совету Лондонского собора. Документ о владении был переоформлен таким образом, чтобы совет попечителей перестал быть подотчетен Приходскому совету и мог бы самостоятельно принимать все решения, касающиеся использования и продажи церковной собственности. Таким образом совет попечителей, который состоит исключительно из англичан и друзей о. Александра Фостиропулоса (одного из основных противников Московского Патриархата), подготовил почву для того, чтобы в случае перехода в другую юрисдикцию вся недвижимость осталась за ними.

Владыка Василий вел активную работу среди духовенства епархии, настраивая его против Москвы и против Святейшего Патриарха. Так например, когда возник вопрос о моей отставке, несколько священнослужителей хотели направить коллективный протест Святейшему Патриарху. Однако епископ Василий, узнав об этой инициативе, начал обзванивать священников и угрожать им, что в случае, если они направят какое-либо письмо Патриарху, они нарушат 34-е Апостольское правило, что повлечет за собой запрещение их в священнослужении. Патриарх Московский, как заявлял епископ Василий, не может вмешиваться в дела Сурожской епархии, так как является не более чем епископом города Москвы. Для клириков же Сурожской епархии не Патриарх, а

Сурожский митрополит является, по словам Василия, последней инстанцией.

В частных разговорах с духовенством и мирянами епископ Василий проводит идею отделения от Москвы и присоединения к какой-либо другой юрисдикции на правах автономии. Как свидетельствует д-р Стивен Томас, епископ Василий не скрывает своих планов добиться автономии для Сурожской епархии:

Я могу только предположить, что Владыка Василий в заблуждении и что он тщетно ищет канонического обоснования своей схизматической позиции. Последнее мое замечание, как это ни печально, подтверждается его высказыванием, что если он станет митрополитом, он добьется «независимого статуса» для епархии, либо с согласия Москвы, либо путем поиска иного церковного общения... Я был поражен тем, что он так далеко зашел в своих мыслях.

Свидетельствуя о своей верности Московскому Патриархату, д-р Томас пишет:

Для меня ясно то, что иерархи Сурожской митрополии имеют схизматический или раскольнический склад ума. Обстоятельства сейчас настолько угрожающие, что я прошу Вас представить мое мнение Патриарху Московскому и Священному Синоду. По причине такого падения доверия к митрополиту, а также вследствие того, к чему епископ Василий так энергично стремится, я обращаюсь за помощью к Русской Православной Церкви в целом. Даже если иерархи Сурожской митрополии и отделятся от Патриарха, у меня нет ни малейшего сомнения в том, что я приложу все свои усилия, чтобы остаться верным ему.

Владыка Василий не ограничился пропагандой раскола внутри Сурожской епархии: он также провел серию переговоров с иерархами других юрисдикций на предмет возможного ухода епархии из Московского Патриархата и присоединения к ним. Насколько известно, партнеры Владыки Василия по переговорам особого интереса к его личности и планам не проявили, так что в конце концов решено было от идеи выхода из Московского Патриархата отказаться.

Была проведена кампания в западных средствах массовой информации. Так например, протоиерей Сергей Гаккель и бывший игумен Мартирий Багин (в прошлом настоятель одного из московских храмов, ныне перешедший в католичество) выступили по радио Би-Би-Си с передачами, в которых изложили свою — крайне одностороннюю и предвзятую — версию «Сурожских событий». Ту же версию опубликовала парижская Православная пресс-служба (Service orthodoxe de presse) в статье под громким названием «Попытка захвата Сурожской епархии Московским Патриархатом».

В публикациях епископ Василий, протоиерей Сергей Гаккель и другие озвучивают идею отделения Сурожской епархии от Московского Патриархата. Английская католическая газета «The Universe» 14 июля поместила статью, где открытым текстом говорится о возможности «разрыва связи епархии с Московским Патриархатом в знак протеста против его вмешательства в дела Британской Церкви». Автор статьи взял интервью у епископа Василия, протоиерея Сергея Гаккеля и некоего «лица, пожелавшего остаться неизвестным» (возможно, о. Александра Фостиропулоса, либо того же епископа Василия). Все три лица высказываются весьма резко в адрес Московского Патриархата. «Перчатки сняты, и мы ожидаем негативной реакции, — говорит протоиерей Гаккель. — Вся эта история показывает, что Московский Патриархат стремится захватить власть в свои руки». Далее в статье говорится о том, что «Британская Церковь» должна отделиться от Московского Патриархата и стать «независимой епархией». При этом, по словам «лица, пожелавшего остаться неизвестным», в качестве модели может быть использована парижская русская юрисдикция, находящаяся под Константинополем: «Французская Церковь может быть для нас естественным партнером, поскольку мы начали сами избирать себе епископов».

Проблемы и перспективы Сурожской епархии

Мое прошение об отставке, направленное на имя Святейшего Патриарха в конце июня, было получено Патриархом в начале июля. Я был приглашен Святейшим для встречи и имел с ним и митрополитом Кириллом двухчасовую беседу, в ходе которой подробно изложил создавшуюся ситуацию. Во время беседы я еще раз попросил Святейшего освободить меня от должности викария Суражской епархии, так как не видел никакой возможности и никакого смысла оставаться там. 17 июля ситуация в Суражской епархии обсуждалась на заседании Священного Синода. Было принято решение, согласованное заранее с Владыкой Антонием, о выделении Дублинского и Манчестерского приходов из состава епархии и придании им статуса ставропигиальных. Я был освобожден от должности викария и назначен представителем Русской Православной Церкви при европейских международных организациях с пребыванием в Брюсселе. Суражская страница моей биографии была, таким образом, закрыта. Однако многие из тех проблем, которые предполагалось решить с помощью моего назначения викарием Суражской епархии, остаются и продолжают ждать своего решения.

Главной из этих проблем является ставшая теперь особенно очевидной недостаточность духовного окормления русскоязычной паствы. Суражская епархия создавалась в те годы, когда в Великобритании почти не было русских, поэтому вся работа была ориентирована главным образом на англичан. В течение 90-х годов, однако, демографический баланс в епархии изменился: большинство прихожан Лондонского собора теперь составляют выходцы из бывшего Советского Союза (русские, белорусы, украинцы, молдаване, грузины и др.); англичане составляют меньшинство. Англичане, однако, продолжают занимать ведущие позиции в епархиальных и приходских органах управления. Это создает ситуацию, при которой русскоговорящее большинство оказывается маргинализированным; среди русских растет недовольство англичанами; англичане, в свою очередь, недовольны наплывом русских.

По сведениям Российского посольства, в Великобритании сейчас проживает 200-250 тысяч выходцев из бывшего СССР — примерно столько же, сколько греков и киприотов. Однако у греков 20 приходов в Лондоне и около 100 по всей стране, тогда как у Русской Церкви лишь один приход в Лондоне и около двадцати (не считая часовен) по всей стране. Давно уже назрела необходимость в создании новых приходов в Лондоне, однако до сих пор в этом направлении ничего не сделано. На фоне нашей бездеятельности активизируется Зарубежная Церковь, которой удалось построить прекрасный храм в Чизике, на пути из аэропорта Хитроу в центр Лондона.

Необходимо открытие новых приходов и в других крупных городах Великобритании. Деятельность Суражской епархии сосредоточена лишь в Центральной и Южной Англии; нет ни одного полноценного прихода в Северной Англии, ни одного прихода в Уэльсе, лишь один маленький приход в Шотландии. Приходов нет в таких крупных городах, как Бирмингем, Ливерпуль, Рединг, Брайтон, Шеффилд, Ньюкастл, Эдинбург, Глазго. Там, где нет наших приходов, активно развиваются различные неканонические группы, такие как, например, «Белорусская автокефальная церковь». В Бирмингеме создана община «Российской автономной православной церкви», возглавляемой «митрополитом» Валентином Суздальским.

Хотел бы отметить: речь не идет и никогда не шла о создании исключительно «русских» приходов. Каждый новый приход был бы открыт для всех желающих стать его членами. Но священник в таком приходе должен был бы в равной степени владеть обоими языками — и русским, и английским. В противном случае он сможет работать лишь с одной из этнических групп, как это и происходит сейчас в большинстве Суражских приходов.

Проблемой епархии является наличие у нее «Устава», не признанного Московским Патриархатом и в некоторых пунктах противоречащего Уставу Русской Православной Церкви. Так например, согласно Суражскому Уставу, епархиальный архиерей избирается Епархиальной ассамблеей и лишь утверждается Священным Синодом, тогда как в Русской Церкви архиереи избираются Синодом. По Суражскому Уставу архиерей должен быть перед хиротонией пострижен лишь в рясофор, тогда как по Уставу Русской Церкви будущий архиерей должен быть пострижен в мантию. Внутри самой епархии отношение к Уставу неоднозначное: некоторые клирики защищают

его, другие критикуют. Во всяком случае, до тех пор, пока Устав не будет утвержден Священным Синодом, он лишен легитимности, а это создает дополнительное и искусственное напряжение между Суражом и Москвой.

Немало проблем у духовенства епархии. Священники жалуются на то, что никто не занимается их литургическим воспитанием: новорукоположенный священник в Суражской епархии не получает никакой подготовки, не совершает сорокоуст, но сразу после хиротонии отправляется на свой приход, где служит два-три раза в месяц. Многие священники вообще не знают службу, чувствуют себя в алтаре крайне неуютно и растерянно.

В епархии отсутствует духовная семинария или какой-либо иной центр для богословской подготовки священнослужителей. В результате большинство духовенства епархии не имеет никакого богословского образования. Этот пробел мог бы восполнить Кембриджский православный институт, созданный несколько лет назад священником Иоанном Джиллионсом, однако в течение последних полутора лет епископ Василий и возглавляемый им совет директоров систематически разрушали институт: сначала отстранили о. Иоанна от исполнения обязанностей ректора, затем, не найдя ему адекватную замену, отправили его в отставку, спровоцировали отставку епископа Каллиста с поста президента, не допустили к преподаванию меня, приостановили сбор средств, уволили почти всех сотрудников. В настоящее время институтом управляет восемь директоров и свыше двадцати попечителей, однако учится в нем на стационаре всего двое студентов; будущее этого учебного заведения весьма туманно.

Еще одной проблемой священнослужителей епархии является то, что почти все они вынуждены работать в миру (психиатрами в клиниках, продавцами в книжных магазинах и пр.) для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь; приходское служение они совершают бесплатно, в свободное от работы время. От этого у священнослужителей накапливается усталость, разочарование, от этого часто случаются нервные срывы.

Предметом постоянных жалоб священнослужителей является то, как организованы епархиальные собрания и собрания духовенства. Священники приезжают за много миль, тратят свои личные средства на дорогу, а уезжают крайне разочарованными, так как их реальные проблемы не обсуждаются, а обсуждаются какие-то надуманные вопросы. В результате все большее число клириков относится к этим собраниям как к повинности, которую стараются по возможности избежать. Я присутствовал на одном таком собрании, на котором председательствовал Владыка

Василий. Приблизительно половина клириков епархии на собрание вообще не явилась. Главной темой было рукоположение женщин в чтиц или иподиаконы; тема эта возникла в связи с окончанием группой мужчин и женщин регентских курсов, организованных протоиереем Михаилом Фортунато. О. Михаил поставил вопрос о том, могут ли выпускники мужского пола быть рукоположены во чтеца по окончании курса. Владыка Антоний, который является сторонником рукоположения женщин в священный сан (об этом он, в частности, говорил на Епархиальной конференции в мае 2002 г.), ответил, что если рукополагать мужчин, то надо рукополагать и женщин. Завязалась вялая дискуссия, достали чин пострижения во чтеца, стали рассуждать о том, как применить его к женщинам. Кто-то отметил, что в Русской Церкви не принято рукополагать женщин, однако другие клирики считали, что Суражская епархия может принять решение самостоятельно. Владыка Антоний спросил меня, что я думаю по этому поводу. Я сказал, что вопрос о рукоположении женщин возник не изнутри Церкви, а извне — из секулярного общества, в котором существует Церковь на Западе, и что я не вижу оснований в церковной традиции для изменения существующей практики. Тогда Владыка Антоний сказал достаточно резко, что ни при каких условиях не рукоположит ни одного из мужчин, окончивших курсы о. Михаила Фортунато, так как надо или рукополагать всех, или не рукополагать никого. «А мои викарии пусть поступают как хотят», — добавил он.

Среди духовенства Суражской епархии почти нет молодежи. Сейчас средний возраст Суражских священнослужителей составляет около 60 лет, многим далеко за 70. Если ничего не будет сделано для привлечения молодежи к священнослужению, через 5-10 лет Суражскую епархию ждет острый кадровый кризис, подобный тому «кризису призваний», который испытывают многие

инославные общины на Западе. Настойчивое нежелание руководства епархии принимать на служение священников извне при отсутствии собственных кандидатов ведет епархию в тупик.

Среди духовенства епархии в настоящее время нет ни одного монаха, что, на мой взгляд, само по себе свидетельствует о крайне неблагоприятной ситуации. Необходимо было бы создание в Сурожской епархии монашеского центра или хотя бы пострижение в монашество двух-трех человек, которые могли бы служить священниками на приходах. Самым крупным монашеским центром в Великобритании является монастырь святого Иоанна Предтечи в Эссексе, основанный архимандритом Софронием (Сахаровым). Однако в результате конфликта между Владыкой Антонием и о. Софронием последний еще в 60-е годы вынужден был выйти из юрисдикции Русской Православной Церкви и присоединиться к Константинопольскому Патриархату. О. Софрония давно уже нет в живых, но негативное и предвзятое отношение к созданному им монастырю в Сурожской епархии сохраняется. В то же время неумолимо растет число людей, которые, будучи членами епархии, регулярно посещают монастырь.

* * *

Многие спрашивают меня, почему я согласился сам написать прошение об отставке на имя Патриарха и настоял на этой отставке, а не добивался «справедливого суда» и детального расследования ситуации. Я это сделал потому, что понимал: никакой справедливый суд в Сурожских условиях состояться не может. Когда я упомянул о возможности направления комиссии от Священного Синода для расследования моей деятельности в Сурожской епархии, митрополит Антоний сказал очень жестко и однозначно: «Никакую комиссию мы сюда не пустим, потому что она здесь ничего не выявит; у нас нет против тебя ни одного конкретного обвинения».

Подавая Патриарху прошение об освобождении от обязанностей vikария Сурожской епархии, я вспоминал святителя Григория Богослова, который на Константинопольском соборе 381 года, когда встал вопрос о его отставке, выступил со следующей речью:

Мужи, которых собрал Бог для совещания о делах богоугодных! Вопрос обо мне считайте второстепенным: он незначителен и не заслуживает внимания такого Собора, чем бы ни кончилось мое дело, хотя осужден я напрасно. Вы же к более важному устремите свои мысли. Соединитесь, скрепите единство, в конце концов! До каких пор мы будем оставаться объектом насмешек как люди неукротимые, которые научились только одному: дышать ссорами? Подайте друг другу с готовностью руку общения. А я становлюсь пророком Ионой: отдаю себя для спасения корабля, хотя и не виновен в происходящей буре.

В том, что произошло в Сурожской епархии, вопрос обо мне являлся второстепенным. Первостепенным был и остается вопрос о будущем епархии, о будущем русского Православия на Британских островах. Именно в этом суть дела, и именно поэтому обвинения выдвигались не только и не столько против меня, сколько против священноначалия Русской Церкви, которое якобы избрало неправильный курс, которое якобы делает акцент на усиление епископской власти, которое якобы русифицирует зарубежные епархии, которое якобы стремится руками ОВЦС «захватить в свои руки» Сурожскую епархию (как будто эта епархия уже и не относится к Русской Церкви), а вместе с ней и всю русскую диаспору на Западе. Все эти обвинения были направлены на то, чтобы подорвать доверие к Патриарху и Синоду.

В трудные дни «Сурожской смуты» я молился не о себе и не о своем будущем, ибо, однажды и навсегда вверив свою судьбу Богу, я не сомневался в том, что Он и далее будет заботиться обо мне. Я молился о Сурожской епархии, которую успел полюбить, и о людях, которые успели полюбить меня, несмотря на то, что срок моего пребывания там был столь кратким. Молился и продолжаю молиться о том, чтобы в епархии восстановился мир — не тот ложный мир, который достигается благодаря устранению неугодных лиц, а тот «глубокий и неотъемлемый мир», который является даром Божиим, наградой людям за мужество, за честность и за верность Церкви Христовой.



ВСЯ БИБЛИЯ І ПОИСК І ГЛАВНАЯ СТРАНИЦА І ОБРАТНЯЯ СВЯЗЬ

Межконфессиональное информационно-аналитическое Обозрение "Orthodoxia"
Powered by "Interpressfact". © "Interpressfact" 2003

